

Олег Роменко

Поэт и прозаик. Родился в Белгороде 16 июня 1977 года. Публиковался в журналах и альманахах Белгорода, Москвы, Тамбова, Симферополя, Краснодара, Ставрополя, Нижнего Новгорода, Кирова, Красноярска. Лауреат региональных литературных конкурсов. Автор книги стихотворений «Волны времён» (2020). Живёт в Белгороде.

ФИЛАТЕЛИСТЫ

– И-ррр-ина! Наташа! Вставайте! В школу по-ррр-а!!! – бодрый и зычный голос с улицы прогремел, как труба иерихонская.

Человек не только картавил, но и пробуксовывал на букве «эр» так, что мне показалось, будто за стеной завизжал перфоратор, вгрызаясь рывками в бетон – «р-рр-ррр». Раздражённый этими звуками, я подошёл к окну и увидел внизу карлика с ранцем, нетерпеливо расхаживающего вдоль узкого тротуара во дворе. Через минуту из нашего подъезда выскочила девочка с портфелем, а следом за ней ещё одна, из соседнего подъезда. И втроём они двинулись к школе.

Я заболел гриппом, и мне не нужно было рано вставать и куда-то идти. Уже несколько дней бабушка с дедом пребывали в подавленном состоянии, но не из-за моего самочувствия. Скончался очередной генсек Константин Черненко.

– Всё прахом пойдёт! – безнадёжно ворчал дед.

– Не каркай! – крысилась на него бабушка.

Вскоре я поправился, и ко мне зашёл в гости друг с первого этажа Костик Емельянов. Это был мой ровесник, и мы вместе «болели» летом футболом, а зимой хоккеем. Костик был блондин с вьющимися волосами и умными карими глазами и такой же, как я, худощавый мальчик, юркий и выносливый в играх. Мы с ним были лучшими игроками среди детворы и поэтому постоянно «рубались» друг против друга в разных командах, чтобы уравнивать шансы соперников. Но это «противостояние» нисколько не мешало нам быть верными друзьями.

Я рассказал Костику про громогласного карлика, и мой друг, как петарда, взорвался от смеха. Немного успокоившись, он объяснил:

– Это Миша Мезис. Он живёт на девятом этаже в нашем подъезде. В школе все зовут его Рупором. Раз я попросился на уроке выйти. Иду и слышу в кабинете пения кто-то не поёт, а орёт как сумасшедший: «Сю-ррр-приз! Сю-ррр-приз! Да зд-ррр-авствует сю-ррр-приз!!!» Хочешь, познакомлю с ним?

На следующий день мы пошли к Мезису. Костик сказал, что Рупор на два года старше нас и учится в третьем классе. Дверь нам открыл сам Миша. Он оказался на полголовы ниже нас, но эта голова, на которой топорщились ёжиком волосы пепельного оттенка, размером была как у взрослого человека, с высоким и выпуклым «профессорским» лбом, нависающим над переносицей. Из-под дикорастущих кустистых бровей смотрели холодные голубые глаза, излучающие настороженный интерес к собеседнику, а ещё ниже на лице выделялся мясистый нос и губы-вареники. Руки, как и ноги, у него были короткие и толстые, но в них чувствовалась недюжинная сила.

– Привет, Миха! – добродушно улыбнулся Костик и протянул ему руку.

Миша, в клетчатой красной рубашке с коротким рукавом и синих трикотажных брюках, быстро сделал два шага навстречу, переваливаясь, как утка и, отведя правую руку за спину, будто хотел почесать поясницу, резко выбросил её вперёд. Раздался звонкий хлопок ладони об ладонь, и от крепкого рукопожатия с лица Костика слетела улыбка.

– П-ррр-ивет, Кастет! – протрубил Рупор.

– Видел у нашего дирика новую «Волгу»? – продолжил Костик.

– К-ррр-утая машина! – восторженно одобрил Миша, как будто директор школы был его отцом, которым он очень гордился.

Потом они ещё поговорили о делах своей 38-ой школы, никак меня не касавшихся (я учился в 10-ой) и, наконец, Костик представил меня:

– Это сосед с пятого этажа.

Миша перевёл наэлектризованный взгляд на меня и закричал, как контуженный:

– Я видел тебя во дво-ррр-е! Ты иг-ррр-ал в мяч!

Мы познакомились и сразу нашли общий язык.

– Пацаны, а давайте в бу-ррр-козла сыг-ррр-аем! – радостно воскликнул Миша, приглашая к себе домой.

Я к тому времени уже успел пристраститься к картам через мамину сестру тётю Люду, к которой мы заходили после садика, и она постоянно мне проигрывала несколько рублей мелочью. Я знал, что она поддавалась, но выигрыш забирал.

Мы вошли в его маленькую комнатку-келейку, в которой умещались – односпальная кровать, шифоньер и письменный стол со стульями. Над кроватью висел ковёр-картина «Нападение волков на тройку», а на столе стояла небольшая миска с домашним печеньем.

– Угощайтесь! – гостеприимно предложил Миша. – Сам испёк! На ма-ррр-га-ррр-ине.

Я вслед за Костиком протянул руку к миске, но, услышав слово «маргарин», испуганно одёрнул её назад, как это сделал бы правверный, услышавший, что печенье приготовлено на свином жиру. Мама часто напоминала мне, что маргарин очень опасен для здоровья, и этот суррогат стал для меня синонимом яда.

Вскоре мы снова встретились с Мишей возле лифта на первом этаже.

– Хочешь, ма-ррр-ки покажу? – спросил он.

Я ровно дышал к скучным и невзрачным маркам стран ОВД, которые продавались во всех киосках «Союзпечати», но из вежливости согласился. Поднявшись на лифте, мы зашли к Мише. Он вытащил из ящичка стола большой и толстый, как энциклопедия, альбом в зелёной обложке и открыл первую страницу.

Это были совсем другие марки, не такие, как в киосках. Не только прямоугольные и квадратные, но ещё и треугольные, ромбические. Кубинские, монгольские, арабские. Яркие и красивые, переливающиеся на свету сквозь карманы – полоски из глянцевой кальки, эти марки преобразались настолько, что изображённое на них казалось более настоящим и живым, чем окружающая действительность.

Особенное очарование маркам придавала зубцовка. Я читал, что продажи «Кока-Колы» пошли вверх только после того, как один человек предложил разливать её в бутылки. И мне

кажется, что не придумай человечество наносить перфорацию на листы почтовых марок для облегчения отделения их друг от друга, то не появились бы и филателисты.

В начале альбома с полупрозрачными листами бумаги, вклеенными между тёмно-серыми страницами, были коллекции с неповоротливыми динозаврами, бродившими среди крупных папоротников и хвощей, и носившимися с криком над бушующим океаном птеродактилями. Миша перевернул страницу, и я увидел невероятно красивые и пышные, в капельках после дождя, хризантемы, георгины, розы. За ними следовали резвящиеся в лазурных волнах дельфины, притаившийся на дне скат, патрулирующая свою территорию рыба - меч. Потом показались каравеллы Колумба и Магеллана, а за ними коллекции с огромными воздушными шарами над зелёными долинами.

Миша переворачивал страницу за страницей, и передо мной мелькали пёстрые попугаи и розовые фламинго, пятнистые жирафы и полосатые тигры, грибы с красными шляпками в белый горошек и с коричневыми шляпками, облепленными вечнозелёными хвоинками. На моих глазах проносились ужасно дымящие паровозы, перевозившие в вагонах переселенцев по прериям Дикого Запада, а завершали коллекцию уже современные поезда метрополитенов в мегаполисах.

Потом появились футболисты, боксёры, метатели копий, хоккеисты, бобслеисты, лыжники. Вот ребята сидят у пионерского костра. А вот монгольские пастухи собрались у телевизора и, разинув рты, наблюдают за нашим «Союзом», вышедшим на орбиту. Затем следуют коллекции со спутниками, ракетами, космическими кораблями. Лучезарно улыбающиеся люди в скафандрах приветствуют жителей Земли из безвоздушного пространства, а на шлемах у них крупными красными буквами написано – «СССР».

Мне казалось, что Миша вовсе не карлик, а гуманоид с маленьким тельцем, короткими ручками и ножками, необычайно крупной головой и глазами, излучающими нездешний ледяной голубой свет. Гуманоид, раскрывший передо мной Книгу Бытия Вселенной. Меня охватило чувство восхищения перед красотой нашей планеты и трепета перед величиим человеческого гения. То ли ещё будет, когда я вырасту и тоже внесу свою лепту в процесс совершенствования мира.

И тут на всю квартиру раздался поющий хрустальный голос:

– Прекрасное далёко, не будь ко мне жестоко, не будь ко мне жестоко, жестоко не будь...

А потом мы услышали сзади сильный и глубокий бас:

– Михаил! Иди фильм смотреть!

Я обернулся и увидел прислонившегося плечом к стене Мишиного отца. На нём был цветастый кухонный фартук. В руках он держал эмалированную миску с тестом и взбивал его ручным миксером. Отец был рыжим, а на носу у него сидели квадратные очки с толстыми линзами. Он близоруко хмурился и застенчиво улыбался.

– Хо-ррр-ошо, пап! – пророкотал сын.

Лицом Миша очень походил на отца, а сестра-второклассница, так же сильно, на мать. Жили они вчетвером. Все, кроме Миши, были обычными людьми, естественного телосложения. Сестра Ирина уродилась рыжеволосой и веснушчатой красавицей, но была замкнутой, неразговорчивой и ни с кем не дружила. Позднее она завела бульдога и только с ним и гуляла, никого не подпуская к себе. Мне казалось, что она так сильно комплексовала перед сверстниками из-за брата, как будто это она была карлицей, а не он.

Я попрощался с Мишей и пулей ринулся домой, чтобы успеть к началу четвёртой серии премьерного показа. «Гостя из будущего» вызвала у зрителей массовую эйфорию, усиленную всеобщей влюблённостью в нового молодого и энергичного генерального секретаря. Я бежал по ступенькам вниз, и сердце холодело от мысли, что за каждым углом меня поджидают космические пираты с бластерами.

Но когда начался фильм, тут меня и накрыло по-настоящему. Я смотрел на экран, а видел перед собой раскрытый альбом. Миша, не спеша, переворачивал справа налево картонные листы, словно перебирал струны на гусях пальцами-сардельками, и, томно полуприкрыв веки, ворковал:

– Ма-ррр-очки!

На следующий день я пошёл на разведку в магазин «Союзпечать» на улице Попова.

Поднявшись по мраморным ступеням, я потянул за ручку входную железную дверь со стеклом, и мне ударил в нос тошнотворный, как нашатырь, запах типографской краски.

У входа, на длинном столе были разложены кипы свёрнутых свежих газет – «Правда», «Труд», «Рабочая трибуна», «Известия», «Советский спорт»... Левее – журналы и книги, открытки и конверты, карандаши и фломастеры, альбомы и тетради...

Но самое ценное находилось в нескольких замыкающих торговый ряд стеклянных витринах, на которые с потолка падал яркий электрический свет. На подложках из тёмного картона красовались, как ювелирные украшения, марки, вроде тех, что я видел у Миши.

Под стеклом манили и приковывали взгляд коллекции пёстрых тропических бабочек и экзотических морских рыбок, умытых росой цветов и взмысленных арабских скакунов, трудолюбивых пчёл и сладкоголосых птиц... Стоили такие коллекции из нескольких марок в среднем пять рублей - дневной заработок скромного советского бюджетника. Тут же под стеклом находилось два кляссера. Один маленький, книжного формата, стоил пять рублей тридцать копеек. Второй, большой, как у Миши, стоил десять рублей сорок копеек – ровно столько мама вносила каждый месяц нашей классной за моё питание в школьной столовой.

Я подумал, как хорошо, наверное, быть взрослым. Они получают зарплату и могут тратить деньги на всё, что захочется. Но взрослые такие бестолковые! Вот дядя Саша с другом Пашей, работавшие сварщиками, пили как сапожники. По выходным они встречались возле гастронома, брали три бутылки портвейна и полный пакет жареной мойвы в кулинарии, а потом пировали у нас на кухне.

Изрядно выпив, оба друга сидели осоловевшие, с блестящими от жира губами, собрав глаза в кучу над кучей голов съеденной мойвы, похожей на погребальный курган. Паша, расстегнув рубаху до середины и оттянув её за ворот назад, отчего казалось, что за спиной у него топорщился небольшой горб, подпевал дяде Саше, сидевшему напротив с голым торсом:

– Я!!! Коней напою-ууу! Я!!! Куплет допою-ууу! Хоть немного ещё-ооо! Постою-ууу! На краю-ууу!

Бабушка, читавшая газету, подскакивала, как ужаленная, со своего скрипучего дивана, одной рукой сворачивая газету, а другой складывая очки, и бежала на кухню, как на пожар:

– А ну замовкните, падлы! А то я выгоню вас на вулицю, як псив!

Обычно дядя Саша возражал, а друг Паша ему поддакивал. Тогда бабушку начинало трясти от гнева, и она, рванув с дверной ручки свой кухонный рушник, принималась лупцевать им обоих товарищей по раскрасневшимся от вина мордам.

Потом дядя Саша с другом Пашей, шмыгая носами от обиды, что бабушка высекла их полотенцем, быстро обувались в коридоре. Но перед тем, как хлопнуть дверью, дядя Саша, желая напоследок поиграть на нервах матери, надрывно, как его кумир, хрипел на всю квартиру:

– Так что ж там ангелы поют такими злыми голосами!

Я подумал: вот если бы утром к дяде Саше пришёл друг Паша – выбритый, наодеколоненный, в белоснежной рубашке с кляссером под мышкой и, лучезарно улыбаясь, восторженно воскликнул бы: «Зацени, Сашок, сколько я новых марок прикупил с полочки! Это у меня уже второй альбом!» А дядя Саша в ответ: «А посмотри, что у меня! Закачаешься!» И оба друга сидели бы на кровати, весело и беззаботно болтая в воздухе ногами, с альбомами в руках, и бабушка не нервничала и не ругалась бы.

Когда передо мной возникали серьёзные препятствия, то я сначала преодолевал их силой воображения, а потом уже искал реальный выход из ситуации. Я фантазировал и представлял себя взрослым, которому по карману быть филателистом. Но ведь, пока станешь взрослым, успеешь состариться.

Дома просить денег на марки я считал бесполезным и бессовестным делом. Я долго думал, но всякий раз мои мысли возвращались к Мише. Его альбом с марками «весил» рублей двести, а то и триста. Где он взял такие деньги? Неужели родители помогли?..

– Нет! Ррр-родители мне денег на ма-ррр-ки не дают, – немного растеряно, глядя мне в глаза, как подозреваемый следователю, ответил Миша и чистосердечно рассказал о своём источнике доходов.

Он собирал по мусоркам и свалкам выброшенную старую одежду, а потом сдавал её за деньги в какой-то магазин, который назывался «Стимул». Я представил, как мальчик-карлик с заплечным мешком, стоя на горе мусора, выуживает из

неё лыжной палкой всякую рванину и понял, что мне такой вид заработка никак не подходит.

Рассказ Миши поверг меня в уныние. Но я не сдавался. В голове у меня вертелся глагол «собирать». Миша собирал тряпьё, а что я могу собирать и сдавать за деньги? Иногда меня отправляли сдавать накопившиеся в доме бутылки, но деньги я всегда отдавал маме или бабушке.

Я стал вспоминать, как, гуляя с друзьями, то тут, то там видел валявшиеся под кустами пустые пивные бутылки. А ведь каждая бутылка - это двадцать копеек. Собирай бутылки и соберешь марки. Возбужденный, как Архимед, выпрыгнувший из ванны с криком: «Эврика!», я сидел в кресле перед телевизором, в котором озабоченный генеральный секретарь говорил ленинградцам: «Видимо, товарищи, всем нам надо перестраиваться».

Солнечным, ласковым майским утром, когда многие горожане собирались на Площадь Революции отметить День солидарности трудящихся, я сунул в карман авоську и отправился собирать бутылки. Первая и последняя попалась мне в палисаднике нашего дома под цветущим абрикосом. Мутно-зелёное стекло бутылки преображали жемчужные капельки росы. Позднее я прочитал у одного поэта-единомышленника: «Я не знал, что бутылки, как розы, тоже утром бывают в росе».

Затем я направился в дубовую посадку 38-ой школы, где часто собиралась молодёжь из окрестных многоэтажек выпить и отдохнуть. Я прочесал пришкольную сторону посадки и не нашёл ни одной бутылки. Потом перебрался через тропинку оврага на другую сторону и, пройдя посадку до середины, увидел впереди бодро шагающую старушку с палкой, которая нужна была ей не для ходьбы, а для облегчения поиска предметов. За спиной у неё, в почти полном рюкзаке, позвякивали бутылки. Если бы я тогда знал героев и мир Достоевского, то ощутил бы себя Раскольниковым, глядя вслед исчезающей старушке в чёрной телогрейке.

Но Достоевского я тогда не читал, поэтому почувствовал себя грибником, встретившим на узкой тропинке в лесу другого грибника, вставшего ещё раньше тебя. Он идёт мимо, весело насвистывая с двумя ведрами полными опят, лисичек, груздей, подосиновиков, а ты стоишь с каменным ли-

цом, стиснув зубы и сжав до боли в кулаке складной нож. Но в это время кто-то незримый и всемогущий взял меня за голову, как шахматист фигуру на доске, развернул на 180 градусов и ткнул в спину, чтобы я шёл быстрее и не оглядывался.

Снова спустившись по тропинке в овраг, который превратился в свалку непищевых отходов и стремительно уменьшался, как Аральское море, я заметил в ивняке что-то коричневое. Это оказался большой дорожный чемодан, к тому же очень тяжёлый для меня. С трудом протащив его волоком до тропинки, я нажал на замки и он открылся.

Внутри оказались не наши, нестандартные бутылки с белой, янтарной, малиновой жидкостью. На ярких и блестящих, прозрачных и металлизированных этикетках было написано не по-русски. Будь это нормальные советские бутылки, я тут же, на радостях, вылил бы их содержимое под куст и побежал бы обналичивать тару. Но что мне было делать с этим добром?

Я сидел перед «ящиком Пандоры» задумчивый, как роденовский Мыслитель, уперевшись локтем в колено, а подбородком в ладонь. Вдруг перед моим взглядом возникла чья-то рука, и её костлявые пальцы ухватили одну бутылку за горлышко и потянули вверх. Я поднял глаза и увидел старика с палкой, в защитной военной рубаше и белом примятом картузе. Он молча перекладывал бутылку за бутылкой в свою сумку, а у меня голос перехватило от подступивших к горлу слёз.

Меня грабили среди бела дня. Сначала я думал, что у старика проснётся совесть и он вернет назад мои виски, бренди, ром, коньяк. Но он, ни слова не сказав и даже не взглянув на меня, забрал все бутылки и неспешно пошёл вверх, опираясь на палку. Во мне кипело негодование и слова просились наружу. Но какие? Мои сверстники называли стариков «старыми пердунами», но у меня язык никогда бы не повернулся произнести такую вульгарную и неблагозвучную гадость. Тётя Люда называла своего благоверного Ереваныча «старым козлом», но и это не подходило, потому что я сразу представлял козла, а не человека.

Тогда я ещё не знал себя, но это был первый случай, когда меня посетили «муки творчества». Я искал слово, стра-

дая, как рыба, выброшенная на берег и перебирал в памяти все подходящие слова, что слышал и знал от людей, из кино и книг. И вот, когда белый картуз добрался до вершины оврага и почти скрылся в посадке, я нашёл слово и радостно воскликнул:

– Старый мерзавец!

Потом я защёкнул замки опустошённого чемодана и вскочил. Схватив его обеими руками за ручку, я размахнулся, как метатель диска, и зашвырнул чемодан обратно в кусты. В конце концов дед ограбил не меня, а контрабандистов, сделавших в кустах свою протозакладку.

Я понял, что собирать бутылки – дело безнадёжное. Вездесущие пенсионеры не оставляли мне шансов, а через пару недель ещё и «сухой закон» ввели. В июне, когда мама спросила, какой подарок мне хочется на день рождения, я привёл её в «Союзпечать» и показал альбом для марок в витрине. Мы пошли на кассу, мама достала из кошелька синюю пятирублёвку и две белые монетки – новые и блестящие «пятнашки», и у меня появился кляссер. Продавщица, передавая мне альбом с лежащим поверх него почтовым конвертом, поздравила нас с покупкой и сказала, что нам полагается в подарок набор марок.

Бутылки я приспособился брать у тёти Люды, которые у неё скапливались после попок с Ереванычем. Я приходил и выгребал сразу всё, что было. Обычно 15-20 пивных бутылок. Еревыныч косо смотрел на меня и бурчал:

– Люди за такие деньги целый день работают, а ты сдал – и свободен.

– Не лезь! Пусть сдаёт! – одёргивала его тётя.

Мне было нелегко тащить сразу столько бутылок. По дороге я останавливался и отдыхал. Благо, остановка была недалеко. Потом я ехал до «Союзпечати», возле которой был пункт приёма стеклотары из красного кирпича с остроконечной крышей.

Там я выстаивал очереди вместе со взрослыми при тусклом освещении, вдыхая воздух пропитанный алкогольными парами. Тучная и флегматичная приёмщица лет сорока медленно обводила большим пальцем горлышко каждой бутылки на предмет обнаружения сколов стекла.

В очереди я часто мечтал. Однажды представил себя советским хоккеистом, закладывающим виражи и высекаю-

щим лезвиями коньков холодные голубые искры изо льда. Я обыграл всю шведскую пятёрку и вышел один на один с вратарём в жёлтом свитере с тремя синими королевскими коронами на груди. Он панически заметался от штанги до штанги в своей вратарской, а я почувствовал сильный толчок в спину. «Будет буллит», – подумал я, теряя равновесие, и налетел на шведского вратаря, который оказался высоким мужиком в серой болоньевой куртке. Сзади раздался раздражённый прокуренный женский голос:

– Мальчик, ты что, уснул?!

Ко мне обернулся мужик с длинным носом, и вьющимися вокруг облысевшей макушки – опушки волосами стружками – завитушками.

– Ты шо толкаис-си? – певучим баском, беззлобно возмутился он.

За летние каникулы мне удалось заполнить марками несколько страниц альбома, и я решил похвастаться своими сокровищами. С этого и началось брожение умов ребят из нашего двора. Первым от меня «заразился» Андрей Евтухов – очень живой, любознательный и расчётливый мальчик из неблагополучной семьи, который только пошёл в первый класс.

Мать его работала уборщицей на заводе за 80 рублей, а отец сидел за поножовщину. Андрей был худеньким, с костлявыми плечами и коленками, курчавыми чёрными волосами, как у негритёнка, и такими же чёрными беспокойными глазами, острым маленьким носом, впалыми щеками и грудью. Он ходил в одной одежке, которая обновлялась у него только в зависимости от сезона. Мать с утра оставляла сыну рубль на двоих с младшей сестрой Наташей.

Когда Евтухова впервые спросили: «Как тебя зовут?», то он, тогда ещё совсем маленький, ответил по слогам под всеобщий смех окруживших его пацанов постарше:

– Ан-ду-ду-ша.

Его стали звать Дудушей. Потом один пятиклассник, услышавший в школе на уроке рассказ Куприна «Ю-ю», окрестил Андрея этим литературным кошачьим именем. Во дворе сразу подхватили новое прозвище, но вскоре скрестили Дудушу с Ю-ю и получился Ю-юша.

На этом мы не остановились и придумали, хлётко, по-пацански, называть Евтухова – Юшман. Воспалённый коллек-

тивный разум продолжал креативить и Юшман превратился в Душмана. Но когда мы обращались к нему: «Э, Душман!», то прохожие оборачивались, а некоторые вздрагивали и внимательно и серьёзно смотрели на нас. Советский Союз вёл тогда войну в Афганистане. В итоге мы решили остановиться на Юшмане.

Юшмана не любили. Он ничего не делал просто так и за всё обязательно потом предъявлял ростовщический счёт. Однажды он пригласил меня в гости. Мы сидели на кухне при лунном свете и грызли каждый по горбушке хлеба, натёртой чесноком. В холодильнике у них было – «хоть шаром», а свет мамка велела «не напаливать».

Мне казалось, что я в жизни не ел ничего вкуснее, этой хрустящей горбушки свежего ржаного хлеба, натёртой острым, дразнящим чесноком и посыпанной крупномолотой солью. Вскоре пришла с работы мать Юшмана. Она включила свет, открыла холодильник, и её уставшее и осунувшееся лицо перекошилось.

– Андрей!!! – истошно закричала она, как будто сын не рядом сидел на табуретке, а заблудился где-то в лесу. – Ты зачем молоко выпил, сволочь!!! Я хотела нам утром каши сварить!!!

Потом Юшман осаждал меня просьбами купить ему то мороженое, то стакан фруктового сока, ведь он же угостил меня хлебом с чесноком. И много лет спустя он ничуть не изменился. Мы случайно встретились с ним возле ларька, где пили пиво с товарищем по работе. Юшман попросил и его угостить, а чтобы я не вздумал отказаться, он припомнил как восемь лет назад я сломал ногу, катаясь на лыжах в овраге, а он на санках отвёз меня домой. Когда я взял ему того же недорогого пива что и себе, то он разочаровано вздохнул:

– А я думал, что ты мне «Баварию» предложишь.

Вот за такие «штучки» Юшмана и не любили, и он был первым человеком, которому я набил морду.

Очень скоро Юшман накупил дешёвых гашёных марок в киоске и приобрёл такой же, как у меня небольшой кляссер, с которым он расхаживал по двору, как талмудист с Торой, окружённый стайкой дошколят. Потом Юшман сел в беседке, спрятавшейся под высокими раскидистыми ивами, раскрывал альбом и, водя пальцем вдоль прозрачных

карманов с марками, как по строчкам книги слева направо, демонстрировал ребятам свои «сокровища».

Узнав, что у филателистов принято обмениваться марками, Юшман попросил меня вывести его «в свет», а именно познакомить с самим Мезисом, с которым мы иногда совершали обоюдодприятные сделки. Когда мы зашли к Мише, то Юшман, в чьём лице часто читалась причудливая борьба подлинного с притворным, улыбнулся одновременно заискивающе и хищно. Мезис, немного растерявшись от такой двойственности и выпучив глаза, смотрел на гостя с удивлением и недоверием.

Когда я объяснил Рупору цель нашего визита, то он, всё так же глядя на Юшмана, как на личность, не вызывающую ни малейшего доверия, холодно сказал:

– Хо-ррр-ошо. Заходите.

Мы сели за стол в его комнате, и Миша, включив настольную лампу, стал листать альбом Юшмана. Там были только такие невзрачные марки, которые не жалко было бы наклеить на почтовый конверт. Ярко освещённое лампой лицо Мезиса накрыла явственная тень разочарования.

– Х-ррр-еновые у тебя ма-ррр-ки, – захопнув альбом, вынес свой вердикт филателист со стажем.

Юшман жалко улыбнулся, а наворачнувшиеся слёзы, придали его чёрным глазам блеск антрацита. С трудом проглотив ком в горле, он безнадежным, готовым сорваться на плач, голосом выдавил:

– А марками меняться мы не будем?

Мезис, брезгливо выпятив нижнюю губу, решительно положил конец дальнейшим попопзновениям:

– Не инте-ррр-есно!

Вскоре у нас во дворе появился ещё один филателист. Однажды я сидел на качелях во дворе, и вдруг налетела огромная, чёрная туча. От ветра стало холодно, и крупными хлопьями повалил снег. Это были отголоски Чернобыльской аварии, о масштабе которой в прессе были очень скупые сообщения. Взрослых, как обычно, погнажи на первомайскую демонстрацию. Люди шли по площади и удивлялись кружащему над их головами снегу. Только в середине мая по центральному телевидению генеральный секретарь снял «табу»: «Нас постигла беда».

Я уже хотел спрыгнуть с качелей, как заметил идущего по тропинке двора мне навстречу мальчика в школьных брючках и белой рубашке с галстуком-бабочкой. Когда он приблизился, я увидел перед собой светловолосого, с зачёсанной набок чёлкой, крепыща с большими ясными глазами и ангельским лицом.

– Ты из какого подъезда? – спросил он.

– Из четвёртого, – ответил я.

– А я из восьмого. Лёха! – представился он и протянул руку, – Ты с кем дружишь?

Я, немного подумав, прихвастнул:

– Со всеми.

– А у меня нет друзей, – грустно сказал мальчик, уставившись в землю. – Давай с тобой дружить.

– Давай, – согласился я.

Лёха Мишенин заканчивал первый класс и жил на девятом этаже в трёхкомнатной квартире с мамой, сестрой Женькой и болонкой Филькой. В зале у них стояло большое чёрное пианино, из-за которого я и зачастил в гости к новому другу. Мне нравилось нажимать пальцем на клавиши поочередно и прислушиваться как низкие басовые ноты плавно перетекают в высокие, похожие на звон хрустальных колокольчиков.

В такие минуты я ощущал, что во мне есть что-то великое и мощное, рвущееся из тела. Сначала я чувствовал, как это нечто во мне, как огненное дыхание, распирало и обжигало легкие, а потом, сжавшись в комок, поднималось вверх по горлу, а дальше в виде воздуха следовало через нос, раздражая его щекоткой и изливалось наружу слезами восторга. Веки после этого сами опускались и ресницы тут же промокали. Затаив дыхание, я прислушивался к биению сжимавшегося и разжимавшегося, как кулак, сердца: тук-тук, тук-тук, я-тут.

– Давай покажу, как я умею, – говорил, подсаживаясь рядом, Лёха.

От его «Собачьего вальса» меня охватывала эйфория, но каждый раз, пытаясь повторить его игру, я извлекал из инструмента только дикую какофонию. Тогда к нам подбегал рассерженный Филька и так яростно ругался, вскидывая голову вверх, что его кудряшки на лбу подпрыгивали и обна-

жали угрожающе смотревшие на меня чёрные глазки-бусинки, горящие от гнева. Лёха, топая ногой, кричал на него:

– А ну, цыц!

И обиженный четвероногий меломан отступал, порыкивая себе под нос, что-то похожее по звучанию на человеческое: «Безобразие!»

Мама Мишенина работала учителем музыки в школе. Она элегантно одевалась, с достоинством держала осанку и имела представительную внешность. В профиль она была похожа на древнегреческую музу с чёрными волосами и идеально прямым точёным носом.

С холодным интеллектом в глазах, она была холодна и в обращении с нами. Но когда сын приходил домой перепачканный, как поросёнок, мама с трагическим надрывом в грудном голосе восклицала:

– Лёша, я же просила тебя быть аккуратным! Горе ты моё луковое! Иди в ванну!

«Горе луковое» мрачнело лицом и, уперевшись пяткой в пол, нервно скидывала туфлю, а следом другую, после чего, набывчившись и вжав голову в плечи, шло в ванну. Мне подумалось, что таким же, наверное, был и его отец, которого Лёшина мама, встречая у двери после работы, тоже просила быть аккуратным и отправляла в ванну.

Все мы бегали по теплу в спортивках и футболках, а в жару в шортах и майках, но Лёха, как джентльмен, неизменно щеголял в костюмных рубашках и брючках со стрелками. Единственной уступкой, которой он добился от матери своим категорическим отказом, было право не носить галстук-бабочку, из-за которого над ним потешались.

Однажды Серёжа Доронин-«тридцатик» (такого «титула» в нашем городе достаивались все, кто учился в школе для умственно отсталых), белобрысый мальчик с крупными «лошадиными» зубами, так разошёлся, смеясь и тыча пальцем в Лёхину «бабочку», что не мог остановиться, как зайка, застрявший на какой-нибудь букве. И тут ему суждено было узнать, что за ангельским личиком мальчика с «бабочкой» скрывается дьявольский характер.

Не долго думая, Лёха молниеносно влепил «тридцатику» за трещину, от которой тот клацнул зубами, чуть не прикусив язык, а в ушах у него эхом зазвенел заливчатый голос Мишенина:

– «Тридцать» зубастый – хрен волосастый!

Не успел Серёжа опомниться, как маленький джентльмен, согнув крючком и растопырив указательный и средний пальцы, схватил ими хохотуна на нос и повернул кисть руки вправо, как ключ в замке, превратив нос Доронина в «сливу».

Ошеломлённый и окончательно деморализованный Серёжа, завыл как сирена, нагнувшись и широко раскрыв рот. Казалось, что его сейчас вырвет, но вместо этого из васильковых глаз градом посыпались на песок слёзы. Лёха шмыгнув носом, сам чуть не заплакав, и с раскаянием на лице смущённо сказал:

– Ой, прости, Серый, я не хотел.

Вскоре выяснилось, что Мишенин опасный товарищ. Он бил стёкла в строящихся домах. Дразнил влюблённые пары, которые не всегда реагировали толерантно, и нам вместе с Лёхой приходилось делать ноги. Из-за него за нами гонялся с кирпичом вокруг дома папа Юрочки-«тридцатика». Однако мне очень скоро удалось положить конец его бесчинствам.

Когда мы шли гулять за пределы двора, то всегда я определял, куда мы идём и с кто с нами идёт. Лёху я не брал до тех пор, пока он с мольбой в глазах не обещал, что будет вести себя прилично. Своё слово он всегда держал как никто. Мне казалось, у него было природное понимание важности репутации – «Единожды солгавший, кто тебе поверит?»

Лёха сразу увлёкся через меня марками. Да и сам он был натурой увлекающейся. Но если я подходил к делу основательно, собирая деньги и выбирая лучшее, то он, как и Юшман, быстро накупил всякой всячины за мамины деньги. Таким образом, нас стало трое во дворе, не считая Мезиса, сидевшего в «башне из слоновой кости».

Обида, нанесённая Мишей Юшману, сидела в его сердце занозой. Поэтому, когда Лёха показал Евтухову свой альбом, тот пренебрежительно усмехнулся и процедил:

– Фигня это у тебя, а не марки.

Мишенин нахмурился, и волосы у него на голове как будто зашевелились и приподнялись, а потом он бросил на Юшмана такой убийственный взгляд, которым, как я часто видел уже ставши взрослым, обменивались литераторы, нелестно отзывавшиеся о творчестве друг друга и ставшие не разлей врагами на всю жизнь.

Настало лето 87-го. В одно солнечное июньское утро мне исполнилось десять лет и мы с мамой начали обход родственников с тётки Люды.

– Мы за подарками! – бесцеремонно и возбуждённо сразу с порога прокричал я, как будто очень торопился и боялся, что мне дня не хватит собрать со всех подарки.

– А мы зна-аем! – весело глядя на меня и лукаво улыбаясь, пропела тётя.

Мы зашли в комнату, и тётя достала из стенки почти полную бутылку-копилку с белыми монетками в двадцать копеек каждая, которые она весь год собирала для меня со сдачи в магазинах. На кухне сидел разобиженный Ереваныч и бурчал под нос:

– Козёл Горбатый! Развёл бардак в стране!

«Сухой закон» ещё не отменили. С утра пораньше Ереваныч сбегал на центральный рынок и купил у каких-то мошенников, приехавших на грузовой машине, якобы с завода, бутылку водки, в которой оказалась обычная вода из-под крана.

– Дари подарок! – приказала Ереванычу тётя, указав пальцем на карман его клетчатой рубашки, который оттопыривали деньги.

Тот, всё ещё находясь на своей волне в расстроенных чувствах, обиженно спросил:

– Сколько тебе исполнилось?

– Десять, – ответил я.

– Э-эх! – простонал неопохмелившийся Ереваныч, – и что ж я маленьким не сдох!

Он вытащил из кармана красную десятирублёвку с портретом Ленина и звонко припечатал её ладонью к столу.

– Держи «лысого» и будь здоров! – напутствовал он, а потом, зажмурив глаза, с отвращением на искривлённых губах залпом выпил полстакана воды, налитой из бутылки с водочной этикеткой.

В то время многие ещё пребывали в эйфории и из каждого утюга лилось: «Гласность – Перестройка – Ускорение. Больше демократии – больше социализма!», а такие «вещуны» как Ереваныч: «Дерьмократы, мать их!» – были первыми вестниками надвигающейся беды.

Посидев немного у тётки, мы с мамой поехали к бабушке. Водитель троллейбуса мчал, как Шумахер, точно знал,

что у меня день рождения и хотел меня порадовать быстрой ездой. Вымытые окна, с приоткрытыми форточками, ослепительно сверкали, наполняя салон солнечным светом и ветром. Всю дорогу мы с мамой ехали одни. В троллейбус на остановках никто почему-то не заходил, да и людей на улицах было очень мало.

Мне казалось, что мы попали в волшебный троллейбус, который везёт нас в прекрасное далёко, а за рулём сидит спиной к нам и улыбается гость из будущего. Вот сейчас мы выйдем на своей остановке и увидим не мрачный областной военкомат, а гигантский шарообразный космодром, отправляющий и принимающий жителей со всей Галактики. Я побегу к киоску с мороженым, а мне преградят дорогу два туриста с Альфа Центавра и, с инопланетным акцентом, спросят: «Земляк! Как пройти в Пушкинский музей на Ватутина?» А я отвечу: «А он ещё не построен».

Когда мы вышли на остановке, то увидели те же серые железные ворота военкомата с прикрученными к ним двумя объёмными красными звёздами из жести. Но я продолжал ощущать себя летящим сквозь пространство и время в солнечном троллейбусе, который когда-то высадит меня на одному ему известной остановке, и там меня встретят, и для меня начнётся другая, настоящая жизнь.

День рождения прошёл как обычно. Дразнящий, сладкий с кислинкой, запах свежей и сочной клубники смешался с рвотным запахом самогона, а наши с мамой трезвые голоса потонули в пучине пьяного ора деда с дядей Сашей и ругани бабушки, закончивших свою попойку уже без нас.

Ближе к вечеру я захотел мороженого. Во дворе мне встретились Юшман с сестрой, уже успевшие загореть, как цыганята, и услышав про мороженое, тут же увязались следом «просто так». По дороге я споткнулся и рассёк коленку об острый камень выступавший из земли на тропинке, ведущей вверх по небольшому склону к кулинарии.

Я попробовал подняться, но тупая боль в колене осадила меня. В таких случаях обычно мы прикладывали к ранке подорожник, сначала поплевав на него. Только я хотел попросить Юшмана об этой услуге, как он, оскалившись улыбкой голодной гиены, сказал:

– Отдай мне деньги.

– Как?! – не поверил я.

– Ты же всё равно не можешь идти, – пристально и странно глядя мне в глаза продолжил Юшман, – а мы с Наташкой мороженого поедем.

Меня охватил такой лютый гнев, что я сразу почувствовал прилив нечеловеческих сил и как тигр набросился на Юшмана. Я опрокинул его навзничь и надавил на впалую грудь коленкой, крепко стиснув его руки повыше запястий. Мне не хватало духу ударить человека по лицу, даже если оно было настолько отвратительным, что в него хотелось плюнуть.

Пока я колебался, Наташка, сняв сандалии колотила меня ими по спине, а я отмахивался от неё головой. Она отскакивала назад и снова нападала. Юшман с ужасом и ненавистью смотрел на меня, ожидая разящего удара. Он поверил в меня и я, поверив в себя, от души заехал ему в левую скулу. Юшман, припечатанный правой щекой к земле, отчуждённо закрыл глаза и затих.

Я так придавил его грудь коленом, что он мог только хрипеть и сопеть, но когда я встал и пошёл прочь, Юшман зарыдал у меня за спиной во весь голос. Наташка швыряла мне вслед мелкие камешки и нечленораздельно рычала.

Во дворе мне встретился Лёха, который сочувственно меня выслушал, а потом в его небесных ангельских глазах снова заплясали весёлые бесенята, и он воодушевлённо предложил:

– А давай Юшмана грабанём!

Мысль ограбить Евтухова, который при свете вечерней звезды натирает горбушку хлеба чесноком, показалась мне настолько нелепой, что я не удержался от смеха.

– Чего ты ржёшь? – насупился Лёха. – Я всё придумал. Мы придём к нему и я скажу, что хочу с ним марками меняться. Он выйдет во двор, а мы вырвем у него из рук альбом и убежим.

Юшман надоел всем хуже горькой редьки. Этот «ростовщик наоборот» пробавлялся попрошайничеством. Чем больше мы ему давали, тем больше он просил и даже требовал. Вместе с Костиком и ещё двумя друзьями, подзуживаемые Лёхой, мы сговорились «проучить» Юшмана, с условием, что вернём ему альбом с марками.

Следующим утром мы все пошли к нему. Евтухов открыл дверь и Лёха оглушил его своей трелью, как коробейник:

– Выходи меняться марками!

Юшман недоверчиво скользнул взглядом по нашим притворно равнодушным лицам и мне показалось, что он догадался зачем мы пришли. Наверное, это почувствовал и Лёха, который, импровизируя на ходу, стал заливать, что мать подарила ему 25 рублей на день рождения и он накупил в «Союзпечати» много новых и красивых марок.

Благоразумие вылетело из головы Юшмана, как «птичка» из аппарата фотографа. Глаза его увлажнились и затуманились, как стёкла, запотевшие от пара, а мозг уже вовсю кипел, генерируя идеи по честному обману путём неравноценного обмена.

Мы вышли и сели на скамейку возле подъезда, а вскоре выскочил и Юшман с альбомом подмышкой.

– А где твои марки? – хищно улыбаясь, вкрадчиво спросил Юшман Лёху, облокотившегося на спинку скамейки и вытянувшего скрещенные ноги.

– Ты сначала свои покажи, а я посмотрю, стоит ли с тобой меняться, – наигранно холодно ответил Мишенин, безразлично глядя мимо Юшмана.

– Ладно, – охотно согласился тот.

– Ну-ка, пацаны, двиньтесь! – входя в роль лидера, командовал нам Лёха.

Юшман уселся рядом и не спеша начал перелистывать страницы альбома, всячески нахвалявая свои марки.

Он даже не подозревал, насколько мы все были наэлектризованы. Если бы Юшман случайно прикоснулся к кому-нибудь из нас, то его ударило бы током как из трансформаторной будки, на которой нарисованы череп и кости. От напряжения я почувствовал, что мои ноги стали как ватные, а кисти рук похолодели. В желудке засосало так, что закружилась голова. Мне стало страшно, от мысли, что сейчас, когда все побегут, мне не хватит сил подняться со скамейки и Юшман, впившись мне в горло костлявой рукой, гортанно закричит: «Вот кто мне за всё заплатит!»

Лёха неровно и шумно дышал ртом, наполняясь решимостью и смотрел в альбом неподвижным стеклянным взглядом. Юшман, ни о чём не подозревая, продолжал ломать комедию:

– Вот эти марки у меня самые классные. Ни на что их не поменяю.

– А ну-ка, дай посмотреть, – не своим, дрожащим от волнения голосом, сказал Мишенин.

Лёха наклонил голову ближе к маркам, а сам тем временем незаметно просунул левую ладонь между рук Юшмана, ухватившись ею за низ альбома, а правой ладонью за верх, а потом с силой рванул альбом на себя. Мы сорвались со скамейки, будто стайка реактивных воробьёв с куста.

Сначала Юшман бросился за нами рефлекторно как человек, выронивший из рук чашку и пытающийся её поймать на лету. Но, сделав несколько шагов, он почувствовал, что ноги больше не повинуются ему. Шокированный мозг оказался в ступоре, отказываясь воспринимать происходящее. А потом сзади раздался такой леденящий душу вопль, что мне стало жутко, как будто мы кого-то нечаянно убили.

Добежав до угла дома, я в последний раз оглянулся. Юшман сидел на скамейке, закрыв лицо ладонями и в истерике дрыгал ногами в воздухе. К нему подошла женщина в голубом платье без рукавов и в белой панаме. Она энергично трясла Юшмана за плечо и о чём-то спрашивала звонким, гулким голосом.

Мы были так взбудоражены случившимся, что забыли об уговоре вернуть альбом. Ноги сами несли нас через дворы к 38-ой школе. Потом мы ещё долго кружили по дубовой посадке и, выбравшись из неё, присели на лавку возле баскетбольной площадки.

Лёха открыл альбом и закричав, как сумасшедший: «А-а-а!!!», вырвал тонкий прокладочный лист, вклеенный между картонными листами. И сразу, как сговорившись, пять пар рук, расталкивая друг друга, как голуби накинувшиеся на хлеб, стали быстро вытаскивать из прозрачных кармашков марки, кому какие достанутся. Я подумал, что если бы Юшман мог это видеть, то курчавые волосы на его голове распрямились бы, а потом у него случился бы разрыв сердца.

Когда мы опустошили весь альбом, Лёха разорвал его, как письмо на части, и выбросил в посадку. После дележа на нас напало уныние. Домой возвращаться было страшно и стыдно. Юшман там, наверное, уже поднял всех на ноги. Мне казалось, что по дворам разъезжают милицейские «бобики» и разыскивают нас. Покружив ещё немного по дворам ми-

крорайона, мы снова вернулись к 38-ой школе попить воды и наткнулись на Сашу-Толю.

Это были два высоких и худощавых брата близнеца – светловолосые, голубоглазые и длинноногие. С чьей-то лёгкой руки, чтобы не путаться, кто из них Саша, а кто Толя, к ним стали обращаться: «Саша-Толя.» Но мы легко научились различать близнецов. У Саши лицо было вытянутое, бледное и «холодное», а у Толи – круглое, розовое и «тёплое». Саша редко улыбался и имел надменный вид, а Толя сиял, как начищенный самовар. Нам всем больше нравился Толя, но командовал в их «тандеме» Саша.

Семья Андрусенко, в которой помимо Саши и Толи, появился их младший брат Максим, была единственной многодетной в нашем большом доме, рассчитанном на тысячу человек. И она же была одной из самых нуждающихся. Саша с Толей были на год старше меня и всегда бегали вместе, как два собачонка с высунутыми языками. В сезон они обносили окрестные фруктовые деревья.

Сделав зверское лицо и оскалив зубы, Саша набросился на нас. Схватив двух первых попавшихся за руки, он грозно зарычал:

– Хватай их, Толян!

Но Толя стоял за спиной брата, засунув руки в карманы, и добродушно улыбался. Мы рассмеялись в ответ и расслабились.

– Вам смешно?! – продолжал бушевать Саша, – А вы знаете, что Юшман целый отряд нанял, вас искать?!

– Как нанял? – удивился я.

Саша вынул из нагрудного кармана рубашки две синие пятирублёвки:

– Это наш с Толяном гонорар.

Сначала меня поразили такие финансовые возможности попрошайки Юшмана, неожиданно превратившегося в Шейлока дворового масштаба, но вскоре я всё понял. Каждый день, уходя на работу, мать оставляла ему рубль на двоих с сестрой. Он эти деньги копил, а кормился тем, что выпрашивал у нас – то мороженое, то лепёшку, то стакан сока. И вот теперь, на наши деньги Юшман нанял «охотников за головами».

– И что ему нужно? – снова спросил я.

– Он сказал, чтобы мы вам накостыляли и привели к нему, – ответил Саша.

– Так вы что?! Против нас, что ли?! – набылчился коротышка Лёха, изобразив подобие бойцовской стойки.

– Пацаны, давайте договоримся! Вам повезло, что вы на нас с Толяном нарвались, а не на Димона с Рымычем! – продуманный Саша извлёк из кармана мыльницу, в которой оказался кусок мамкиной туши, – Давайте мы вам нарисуем фингалы и приведём во двор, а дальше делайте с Юшманом, что хотите.

Во дворе мы появились, как пионеры-герои, после пыток в гестапо ведомые на расстрел под конвоем. Наши лица, руки и ноги «украшали» фальшивые синяки. Во дворе было тихо и почти безлюдно. Юшман сидел за столом в беседке, которую превратил в подобие Ставки верховного главнокомандующего. Иногда к нему подбегали запыхавшиеся «посыльные», малявки-дошколята, в шортиках и майках с панамками из газеты на головах, и докладывали о ходе поисковых работ.

Заметив нас, Юшман вышел навстречу. Мне казалось, что сейчас он посмотрит на нас глазами полными укоризны, сокрушённо вздохнёт и скажет: «Эх вы!» Но когда мы приблизились друг к другу вплотную, Юшман приосанился и по его губам скользнула, извиваясь змеёй, гаденькая улыбка, а в глазах зажглись огоньки злого торжества. Наверное, такое лицо было у Саломеи, когда ей принесли на блюде отрубленную голову Иоанна Крестителя.

Коснувшись правой рукой бедра, как ковбой кобуры, я сжал пальцы в кулак и, опустив глаза, готовился молниеносно заехать Юшману в челюсть. Но в этот момент к нему подскочил Костик и врезал кулаком «по кумполу», а следом набросился Лёха и надавал Евтухову болезненных подзатыльников. Это было второе за день потрясение для нашего Шейлока, с которого сразу слетела фельдмаршальская спесь. Он растерянно смотрел на Сашу с Толей, а те ржали, как два сытых жеребца, запрокинув головы и скаля крупные, белые зубы. И тут нас всех накрыл оглушительный, будто кричащий в рупор гаишника, голос:

– Вы совсем ду-ррр-ака?! Совсем ду-ррр-аки?!!

Мезис набросился на Лёху и Костика, потешно размахивая короткими и толстыми руками и ногами. Он словно хотел

ударить по невидимому мячу, но каждый раз промахивался и его от этого болтало, как моряка во время качки. Растолкав нападавших и закрыв Юшмана собой, Миша, с огненным негодованием обрушился на всех нас:

– Знаете, как называют таких, как вы?! Ва-rrr-ва-rrr-ы!!!

На следующий день я нашёл Юшмана в той же беседке, бывшей недавно его командным пунктом. Он сидел мрачный и сильно задумавшийся. Мне казалось, что он всё глубже погружался в депрессию, как Золушка, у которой карета превратилась в тыкву. Я положил перед ним на стол свою долю его марок.

– Зачем они мне? – нервно, на грани новой истерики, спросил Евтухов.

Я пообещал, что остальные тоже вернут ему всё.

– Дурачки вы все! – взвинчено закричал Юшман вставая, и слёзы брызнули из глаз, – Я больше никогда не буду собирать марки!

Тридцать лет спустя в моей жизни многое изменилось. Я жил в другом месте и потерял связь со своими старыми друзьями. Однажды мама рассказала мне, что видела Мишу Мезиса. Он стал появляться возле нашего дома, рядом с которым находился «Карман». Это злачное место с утра притягивало к себе спившихся и опустившихся людей, которые приставали к прохожим и клянчили мелочь. Потом они выпивали несколько стаканчиков дешёвого пива и задавали храпака на скамейках в окрестных дворах.

Мама мне рассказала, что родители Миши умерли, а квартиру они с сестрой, вышедшей замуж, разменяли на две отдельных. Теперь Мезис жил недалеко от нас и однажды, возвращаясь домой тёмным и душным августовским вечером, я увидел Мишу на скамейке во дворе соседнего дома. Он лежал на животе, уткнувшись лицом в согнутую в локте руку и казалось, что он не спит, а плачет. Волосы у него на затылке щетинились, как иголки у ежа.

Воспоминания с такой силой нахлынули на меня, что я в них погрузился, как в сон... Я вижу, что разбитая, как после бомбёжки, дорога, рытвины которой жители залатали белым строительным кирпичом, на моих глазах зарастает ровным и гладким асфальтом. А в уши вливается, пробирая

до самого естества, звонкий и чистый хрустальный звук: «Слышу голос из прекрасного далёка...»

Я чувствую, что лежу на диване под одеялом и затылок немного покалывает от слежавшейся жёсткой подушки. И тут, как петушинный крик на рассвете, пронзительный и мощный голос тревожит меня: «И-rrr-ина! Наташа! Вставайте! В школу по-rrr-a!!!»

Я открываю глаза и вижу, что мы сидим с Мишей за столом в его комнате и рассматриваем альбом с марками. Мне кажется, что вот-вот, под палящим светом настольной лампы, эта нарисованная божья коровка в сочной траве, оживёт, зашевелит лапками, выберется из прозрачного кармашка кляссера, а потом раскроет крылышки и улетит.

Я слышу, как в соседней комнате штекер воткнули в розетку и серебряный голос из телевизора запел: «Я клянусь, что стану чище и добрее...» И тут же у нас за спиной раздался громкий мужской голос: «Михаил! Иди фильм смотреть!» Я оборачиваюсь, и меня ослепляет синяя вспышка.

Передо мной раскрытое окно первого этажа, из которого через светящиеся в темноте шторы, по всему двору разносится лающий голос диктора, как у собаки рвущейся с цепи: «Президент принял трудное и непростое решение! Со следующего года на территории Российской Федерации пенсионный возраст повышается на пять лет для мужчин и для женщин!»

Мезис замотал головой и что-то зарычал в пьяном бреду. Мне послышалось, что он сказал: «Не т-rrr-огайте меня!!!» Я ещё раз посмотрел на это несчастное, содрогающееся от спазмов тело и не стал беспокоить Мишу, потому как почувствовал, что пробуждение для него окажется страшнее любого кошмарного сна.